

Проще не бывает

Автор:

[Мария Метлицкая](#)

Проще не бывает

Мария Метлицкая

«Вообще-то они старались его не беспокоить – только крайний случай, самый крайний, когда без него уже точно было не обойтись. А так оберегали, жалели, понимали, какая непростая у него жизнь. Родное дитя. Дитяtko, прости господи, сорока лет. Крупный, полноватый и всю лысеющий дядька, если разобраться. А для них, стариков, как он их теперь называл, конечно же, дитяtko...»

Мария Метлицкая

Проще не бывает

Вообще-то они старались его не беспокоить – только крайний случай, самый крайний, когда без него уже точно было не обойтись. А так оберегали, жалели, понимали, какая непростая у него жизнь. Родное дитя. Дитяtko, прости господи, сорока лет. Крупный, полноватый и всю лысеющий дядька, если разобраться. А для них, стариков, как он их теперь называл, конечно же, дитяtko. А жизнь и вправду была, мягко говоря, непростой – все неприятности накинудись разом, в одночасье, оскалившись зубастой пастью. Капитализм (хотели – получите), созданный только здесь, на отдельно взятой территории родного государства, которое, впрочем, как всегда, в любые времена оставалось таинственным и пугающим, притягивающим и отталкивающим, загадочным для всех мало-мальски цивилизованных людей. Приходилось выживать. Она, эта жизнь, не намекала, а громко заявляла – выживет здесь сильнейший, слабакам тут не место. В слабаках ходить не хотелось. Но часто просто не было сил. Никаких – ни душевных, ни физических. Всё на сопротивлении. Впрочем, и к этому привыкают.

Сдали родители, как ему казалось, сразу, в один день. Но это, конечно, было не так. Просто до времени они тоже старались сопротивляться, отчаянно не желая мириться с наступающей немощью и болячками. И опять, опять главная тема – жизненный рефрен: не беспокоить его. Только когда самый край! Ну просто некуда деваться. Вот тогда-то и звонила мать, отец почему-то стеснялся больше – конечно, трудно активному и зарабатывавшему всю жизнь приличные деньги человеку (только бы семья ни в чем не нуждалась) сказать правду: «Да, я пенсионер, почти старик, и не я теперь тебе, как привык, а ты – мне». Невозможно это сказать даже собственному сыну. А он его считал собственным сыном, тут не было никаких сомнений, кстати, ни у кого. Но об этом позже.

Сегодня отец позвонил. Сначала – общий разговор:

– Ты не занят? Говорить можешь?

Потом, смущенно кхекая:

– Слушай, нам так неловко, но ты же знаешь, мать не встает, и моя нога... В общем, дышим на балконе. На двух табуретках. Шера с Машерой, прости господи, – горько добавил он и, вздохнув, замолчал.

– Конечно, заеду, о чем речь, сразу после работы, давай список и без вступлений, о'кей?

Отец опять вздохнул и засуетился, понимая, что отнимает у сына драгоценное время.

– Господи, куда же эта бумажка подевалась? А! Вот она! – облегченно вскрикнул он. – Пишешь? – И затем несложные пункты. – Только яблоки не забудь матери обязательно! Ты же знаешь, ей на ночь нужно непременно съесть яблоко, – беспокоился он. – И не покупай мясо в «Перекрестке» – там такие цены!

– Господи, пап, ну какие цены! – взорвался сын. – Мое время дороже! Все, до вечера!

Отец вздохнул и медленно положил трубку на рычаг.

* * *

Мать сошлась с ним, когда сыну было шесть лет. С матерью у мальчика с рождения была острая зависимость друг от друга – ощущаемая физически неразрывная и неколебимая связь, нежная дружба и взаимное уважение и бесконечная, томительная любовь.

В детстве на уровне известного всем эгоистического страха – а если вдруг умрет мама? И ужас среди ночи, и холодный пот по спине. В юности, конечно, бывало всякое – стыдно вспоминать. Но позже, в зрелости, любовь к матери стала таким явным и глубоким чувством, вечным беспокойством, болью и страхом – не дай бог, не дай бог! Маменькин сынок! Если хотите, то да! Абсолютно маменькин. При этом вылетевший из теплого и сытого отчего дома в двадцать лет – абсолютно добровольно (ну мужик я или не мужик?!). Он часто размышлял, как она смогла не покалечить его, не изуродовать – со всей своей авторитарностью и безумной любовью. Как хватило у нее на это мудрости? Как сумела она определить эту тончайшую грань, не переборщить, не перегнуть, расставить тонко и чутко акценты, чтобы вырос человек, жизнеспособный мужик. С ее, в общем-то, деликатным подходом к жизни, с плотно вбитыми с детства установками, что хорошо, а что плохо, абсолютно не работающими сейчас. Его всю жизнь это разрывало на куски – мальчик из приличной семьи, постулаты понятны и известны: не зарься на чужое, не лги без необходимости, ничего не делай за счет других, не поступай с людьми так, как не хотел бы, чтобы поступали с тобой, сохраняй лицо – с этим легче жить, поверь моему жизненному опыту. Ничто не стоит душевного комфорта и равновесия.

И проще: помоги старику, защити женщину, не пройди мимо плачущего ребенка – семейные заповеди. А кто не знает, как сложно следовать заповедям при нашей-то человеческой слабости и людских пороках?

А вообще-то хотелось соответствовать и нравиться хотя бы себе. Ему казалось иногда, что он оставляет себя истинного где-то дома, словно сдает на хранение, а на улицу выходит другой человек – с холодными глазами, пружинистой походкой, подобранный, осторожный и предусмотрительный, готовый к жесткой обороне и изнурительной борьбе. Не он, кто-то другой. Ну а если образно – то ему казалось, что он надевает пластмассовые белые детские челюсти с клыками из магазина, где продается подобная ерунда.

Итак, из прошлого: ему было шесть лет, когда мать задумала уйти от его отца. Верным детским чутьем, краем уха, он, конечно же, понимал, что не все в порядке в Датском королевстве, – засыпая, слышал за закрытой дверью разговоры родителей на повышенных тонах, видел их молчание утром и поджатые губы матери, ее раздражение и плохое настроение, ее слезы и долгий взгляд в одну точку. Что-то цеплялось в голове и тут же благополучно из нее выветривалось. У него были свои проблемы. А они – взрослые – сами разберутся.

Однажды отец долго собирал чемодан в спальне – мать сидела на кухне и курила. Он, маленький, что-то, несомненно, чувствовал, помнил, как громко колотилось сердце. Потом отец зашел в его комнату и порывисто, резко притянул его к себе. Он запомнил, что отцовские руки крупно дрожали. Отец взял чемодан и вышел, громко хлопнув входной дверью. Мать зашла к мальчику спустя какое-то время, прижала его к себе и заплакала.

– Вот и все, – бормотала она. – Конец нашей семейной жизни. Вот и все.

Ему хотелось вырваться из ее плотных объятий и что-то спросить. Но он не посмел. Тогда она сама посадила его на маленький, расписанный под хохлому детский стульчик напротив себя и уже спокойно и четко объяснила ему ситуацию.

– Мы разошлись с твоим отцом, сынок. Ну, так сложилось. Ты уже взрослый человек (господи, это ему-то, шестилетнему ребенку) и должен нас понять. Так бывает. Бессмысленно жить вместе, если уже ничего друг с другом не связывает. Хотя, нет, конечно, я конченная эгоистка! Ты, и только ты, нас связываешь. Это, конечно, самое главное, ты же понимаешь. Но есть еще я, я у себя, понимаешь? И моя жизнь. Ну не хочется ее псу под хвост, да?

Он кивнул, почти ничего не понимая. А мать продолжала бормотать:

– В общем, невозможно стало вместе жить, сын. Ты потом поймешь меня, я уверена, а сейчас просто прости и прими на веру. Я знаю, что делаю тебе больно, но дальше было бы еще больнее.

Она что-то еще бормотала скороговоркой, тихим шепотом, вытирала ладонью слезы, прижимая его к себе сильнее, потом говорила уже громко, страстно, что-то объясняя ему, а на самом деле, конечно же, себе. Ему была тягостна эта

сцена, и еще почему-то было сильно жалко мать и неловко как-то – ну зачем она так горестно плачет? А потом она отодвинула его от себя и сказала, честно глядя ему в глаза:

– Я полюбила другого мужчину. Вот и вся история. В этом-то все и дело.

В голове были каша и полный сумбур. Он устал, сильно вспотел и понял из этого только одно – отец с ними жить больше не будет. По большому счету, это не огорчило его и не расстроило. Важно было задать один вопрос – главный, – и он его задал.

– А ты? Ты будешь со мной жить? – спросил он и почувствовал, как что-то гулко бухнуло у него в груди.

– Господи! Что ты себе думаешь? – ужаснулась мать. – Разве мы можем куда-нибудь друг от друга деться?! Мы неразделимы – ты и я. Понимаешь? – тихо сказала она, и он видел ее бледное лицо и огромные темные глаза, полные тоски и отчаяния. Она повторила: – Мы с тобой неразделимы.

Он кивнул.

– Ничто и никогда нас не сможет разлучить. Запомни это навсегда.

Он снова кивнул.

– Бедный мой ребенок! – Она засмеялась. – Захочешь от меня избавиться – не избавишься. – Мать провела рукой по его голове. – Ну все, давай ложись, хватит с тебя впечатлений.

Ложиться ему совершенно не хотелось, и он слегка спекульнул:

– А мультики посмотреть можно?

Мать вздохнула и кивнула:

– Сегодня тебе все можно.

Минут через десять он смотрел «Остров сокровищ» и уже не думал ни о чем. А когда засыпал, мелькнула мысль, что жизнь меняется – ну и ладно. Главное – мать будет рядом с ним и обещала ему, что это навсегда. Он привык ей верить и крепко уснул, вполне счастливый. По большому счету, все оставалось на своих местах. А по поводу каких-то изменений он не беспокоился.

Отец уходил тяжело, рывками – то приходил и спал в гостиной, то исчезал на недели. Когда он приходил, мать опять сникала и виновато опускала голову. Он слышал, как она просила отца:

– Ну будь мужиком, все кончено. Порви. И начни свою жизнь.

Он отвечал ей:

– Ишь ты какая, хочешь, чтобы все ладком да рядком. И чтобы меня не было в твоей жизни. Чтобы все с чистого листа. А я есть, понимаешь, я есть! Живой и битый, но есть, уже полуживой, но есть. И придется тебе с этим жить.

Мать опускала голову еще ниже. А через полгода отец женился – спешно, скоропалительно на странной, пугливой и тихой женщине с нездешним именем Богита.

Он помнил, как эта худая и бледная тетка протянула ему холодную узкую руку и сказала:

– Будем друзьями.

Он послушно кивнул.

Когда отец окончательно ушел, мать расцвела, повеселела и опять стала петь по утрам. А вечерами, закрывшись у себя в комнате, часами тихо ворковала по телефону, и он слышал ее частые и хрипловатые смешки. И понял тогда – она счастлива.

Отчим пришел к ним в гости через месяц после окончательного ухода отца. Мать предупредила:

– Сегодня в гости к нам придет очень важный для меня человек.

Он все понял.

Мать накрыла на стол, испекла пирог с яблоками. Убрала квартиру. Надела свое любимое платье – синее в белый горох. Распустила волосы. И он гордо подумал, что она очень красивая и молодая, его мать. Гость ему тоже понравился – крепкий, высокий дядька, с темными вьющимися волосами, зачесанными назад. В руках он держал здоровущую коробку с какой-то техникой. Ух ты! Пожарная машина! И откуда это, интересно, он узнал? Потом сидели за столом, ужинали, пили чай, и обычно немногословная мать что-то говорила, говорила. И очень много смеялась. А вечером, перед сном, зашла к нему, как обычно, в комнату: ну, как всегда, поцелуйчики, объятия, разговоры, объяснения друг другу в любви – каждодневный ритуал, известный только им одним. И потом спросила:

– Ну как он тебе, понравился?

– Нормально, – серьезно ответил сын.

– Ну вот и славно, – вздохнула она. И добавила: – А я в этом и не сомневалась.

Она счастливо рассмеялась, чмокнула его в щеку и привычно подоткнула одеяло.

Где-то через полгода отчим переехал к ним и сразу затеял ремонт – новые обои, новая плитка, а еще привез новую стиральную машину и огромный цветной немецкий телевизор «Грюндиг». Мальчишки приходили смотреть на эту чудо-технику и, конечно, завидовали. А мать помолодела и стала еще красивее. С утра, взбивая омлет или тесто для блинчиков, она теперь пела. Не ходила – летала, и на лице ее была постоянно загадочная полуулыбка.

С отцом он виделся крайне редко – тот уехал строить какой-то Дворец спорта на Урале. Говорили, что проект грандиозный и для него, архитектора, это огромная ступень в дальнейшей карьере.

Новый мамин муж мальчику очень нравился – ну, во-первых, у мамы теперь постоянно было хорошее настроение и она много смеялась. Во-вторых, она часто

пекла пироги с капустой и мясом, которые он так любил, в-третьих, отчим приносил домой всякие вкусности и сюрпризы – то торт-мороженое, то длинную, шершавую, пахнущую летом дыню под Новый год. Это не считая машинок, тракторов и подъемных кранов. Когда он вечером заходил домой, они с матерью обязательно ждали сюрприза, и, открывая сумку, мать, счастливая, всплескивала руками и с гордостью называла его добытчиком. Но не это, конечно, главное. Хотя приятно, что и говорить. Кто же не любит подарки? А главное то, что в доме радостно, тепло и все довольны. И еще теперь по выходным они обязательно куда-нибудь выбирались – или в гости, или в кино, или в театр, или в музей, или в цирк. Но больше всего он любил недалекие путешествия на машине. Например, в Абрамцево, где на стенах небольшого, уютного старого дома висят картины, есть смешная избушка на курьих ножках, резная скамья, и все это, загадочное и притягательное, стоит в таинственном и темном вековом лесу. Еще он обожал поездки в Архангельское – там было уже все другое – никакой камерности Абрамцева или Муранова, только широта, блеск, роскошь, помпезность. Дивная мебель, роскошные интерьеры, на улицах античные скульптуры, которые на зиму укрывали мешковиной, аккуратные дорожки, гроты, прекрасный парк и чудная, крохотная, семейная церквушка с погостом на высоком, крутом берегу реки. А после этих фантастических впечатлений и фантазий, в которых он представлял себя то графом, то рыцарем, то гусаром, они обязательно ехали в ресторан обедать.

– У матери должен быть отгул от кухни, – объяснял отчим.

В ресторане он долго читал меню, было сложно выбрать, хотелось всего и сразу. А потом, конечно, мороженое с фруктами, сливками, вареньем. И обязательно лимонад. Отчим с матерью долго пили кофе, а он уже скучал и, видя краем глаза, как отчим гладит мамину руку своей широкой сильной ладонью, смущенно отводил взгляд.

Скучал ли он по отцу? Да, наверное, особенно когда получал его короткие и редкие письма с фотографиями тех мест, где тот работал. Мать интересовалась:

– Ну что он там пишет, что интересного? Дашь почитать?

Он пожимал плечами и равнодушно протягивал матери конверт:

– Читай на здоровье, что мне, жалко?

Никаких секретов. Отчима он назвал папой примерно через год совместного проживания. Получилось случайно, просто в разговоре обратился: «Пап, слушай!» – и увидел, как замерли оба: и отчим, и мать. Отчим покраснел, смущенно кашлянул и через минуту ответил на его вопрос. В общем, можно сказать, все произошло само собой, как-то естественно и обыденно. Родной отец появлялся редко, примерно раз в восемь-девять месяцев. Да, конечно, они обязательно встречались, гуляли, сидели в кафе. Отец рассказывал о своей жизни, работе. Но это как-то все было неблизко, и он слушал его вежливо, но вполуха и рассеянно кивал. Когда ему исполнилось лет пятнадцать, отец спросил:

– Ну, как там у тебя на личном? Есть девушка?

Он смутился и отрицательно мотнул головой. Отец хохотнул и сказал:

– А у меня в твоём возрасте был уже целый хоровод!

Сын пожал плечами.

* * *

Конечно, уже через год появились и девушки. Начались какие-то истории, романчики, разговоры по телефону до полуночи. В общем, обычная история. А в девятнадцать, учась на втором курсе, в какой-то шумной и случайной малознакомой компании он встретил Машу. Заметил ее сразу, несмотря на приглушенный свет, обилие народа и густой, висящий слоями табачный дым. Она была тоненькая, очень тоненькая, с детской, неразвитой грудью и почти плоской маленькой попкой – девочка-подросток. Вообще-то, не его сексотип, как говорили тогда. Но вот лицо у нее было замечательное, завораживающее, притягивающее, нездешнее какое-то лицо. Острый подбородок, четко обозначенные скулы, чуть вздернутый тонкий нос и огромные, черные, без зрачков, глаза. При этом белая кожа, нежная, почти прозрачная, так, что была видна голубая жилка на виске. Несколько мелких конопушек на носу и легкие, рыжеватые завитки волос, которые явно раздражали сейчас их обладательницу, активно участвующую в каком-то жарком споре, и она тонкими пальцами нервно закладывала непослушные пряди за маленькие прозрачные уши.

– Кто это? – спросил он у пробежавшего приятеля, кивнув в сторону Рыжей – так сразу он ее окрестил, как оказалось потом, на всю жизнь.

– Маша Томашевская, из театрального, по-моему. Янкина подружка. В общем, все справки – у Янки, – доложил приятель и спешно удалился.

Ага, как же, у Янки! Главной сплетницы, сводницы и интриганки. Через десять минут, как только он отойдет от Янки, Рыжая прознает про его интерес. Дудки! Он решил справиться без посторонней помощи. У него получилось. Спустя пару часов он провожал ее до дома. Жила она в центре, на Лесной, в старом кирпичном доме с тихим, зеленым двором.

Влюбился он в нее сразу, почти молниеносно, за короткий путь в полчаса от метро до ее темного и мрачного подъезда. Будучи человеком достаточно, как ему казалось, опытным, здесь он растерялся и робел спросить ее телефон, поцеловать или обнять. Просто робел. Она сама предложила ему подняться и выпить чаю. Он удивился – на часах было полпервого.

– А родители? – растерянно спросил он.

– Тирана-отца нет в наличии, – рассмеялась Маша. – А с маман у нас свобода нравов. Никакого контроля и полное взаимопонимание.

Хорошие дела, подумал он. Вот так, запросто, среди ночи. Он рассеянно топтался на месте.

– Да идем, не робей, – засмеялась Маша. – Да и маман, наверное, отсутствует, в смысле, ночует у своего любовника. Так что не пугайся. Я к тебе приставать не буду! – И она опять рассмеялась хриплым, ведьминским смехом.

Пешком они поднялись на второй этаж. Света на лестнице не было, и она, чертыхаясь, долго не могла попасть ключом в замочную скважину. Наконец они вошли, и Маша нажала на выключатель. Прихожая осветилась тусклым светом старого, в кованых лапах фонаря. В прихожей на полу валялась куча обуви, на подставке старинного, мутноватого зеркала в темной, резной, деревянной раме, изъеденной жуками, лежали стопкой старые журналы. Тут же, на зеркальном подстоле, стояли флакончики с духами, и в узкой медной вазочке одиноко засыхала крупная, бордовая роза. Они переступили через ворох обуви и зашли в

комнату. Там было не лучше: платья, блузки – на спинках стульев, огромный, древний книжный шкаф до потолка, тяжелая люстра из прежних времен – бронза, бронза и разномастные плафоны: и старые, родные, и просто лампочки – видимо, там, где плафоны уже были разбиты. На стенах – картины и фотографии. Большой круглый стол под малиновой, с кистями, вытертой скатертью, а на столе... Господи, чего там только не было на этом столе! И чашки с ободками чая и кофе, и обертки от конфет, и расчески, и бусы, и кремы, и даже, прости господи, колготки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/prosche-ne-byvaet>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)